

1. Лавров А.
2. Аве Мария: м.с.
3. Москва — гос. акад. театр им. Моссовета
4. реж. — Шахвердян В.
5. худ. — Софронов Е., Саркисян М.
6. балетм. — Меграбян Н.

„Аве Мария“

10/12-97

Москва

Театр им. Моссовета

РЕДКИЙ ЖАНР

Лариса ДОЛГАЧЕВА

В чем достоинство курицы? В ее яйценоскости. За что ценится павлин? За красоту. Вроде рождественники — а одной меркой не измеришь. Это прозаическое до неприличия соотношение родилось в те минуты, когда в живописных туманах и в не менее живописном пластическом обрамлении одну прекрасную "Ave Maria" сменяла другая, прекрасная еще более — о, Каччини, Дуранте, Шуберт... Но что делать, если посреди всей этой красоты (сопровожаемой в буклете рождественными "ренессансами": новый российский армянский проект, "под эгидой Международной конференции театралов", "посвященный 2000-летию Рождества Христова и 1700-летию принятия христианства Арменией") заголовок определился, к какому театальному роду это театральное зрелище принадлежит, дабы как-нибудь его "измерить".

Начнем с истории. Эта премьера "Ave Maria" — третья попытка пробиться к сердцам зрителей, две первые были признаны неудачными (в каком обстоятельстве есть даже интрига — почему в самом деле создатели, уже набившие себе шишки, так упорно держатся за свою идею?). Но они не просто держались, они двигались — от

О мистериях и павлинах

Культура — 1997. 10 апр. — с. 13

каменности звукограда к его симфонизации, от дуэта исполнителей к многофигурным композициям, от вокального цикла к "музыкальной мистерии". Вот у "мистерии", определения, исходящего от самих авторов, и задержимся.

Даже столь древний театральный жанр предполагает какой-нибудь сюжет, историю. Содержание же "Ave Maria", явившейся публике в Театре имени Моссовета, — это в сущности постулат о спасительной миссии Богородицы, выписанный, ну скажем, кашекаром на пске. По цвету гравье в ряду будет преимущественно черно-красным и туманно-серым, последнее — ослепительно-белым (этот ход от хосса к свету обеспечит сценограф Евгений Софронов). По форме те, что вначале, будут напоминать соболевые полушаровые-полушарные фигурки, которые к концу, конечно, распрямятся (ход от потерянности к обретению опоры обеспечит хореограф Нораир Меграбян). А главные герои, вокалистка и инструменталист, позаботятся о маленких кульминациях на этой прямой линии. Но, даже желяя, речь о певце, обернутся театральными персонажами, останутся самими собой — концертантами Ирины Мусазянь и Александром Лавровым.

Словом, если принять "Ave" за спектакль, как на этом настаивают его создатели, то придется отметить драматургическую анемичность, идейную поверхность, если не банальность, и "перекрасивленный" видосряд. Но если предположить, что это астрадно-классическое шулу, жанр, к стати, редкостный, то тогда все становится на свои места и приобретает своеобразную привлекательность.

Вокальные номера не чередуются с хореографическими и чисто инструментальными, а влетают в них. Но каждый можно вычленить, а кое-какими, даже не стесняя себя в восторге, полюбоваться. Например, этим — зрелищный джаз-ритм плюс пунктиры радиосигналов, меланхоличный женский голос, будто разговаривающий сам с собой на низких частотах да в джазовый манере (синтезатор? запись?), а надо всем этим "классическое" сопрано, уливающее своим вокализо-соло. Фантастическая композиция, почти наркотически опьяняющая — это комплимент Александру Лаврову, который аранжировал для "Ave" классику, писал оригинальную музыку, сводил все это водино и ко всему прочему самолично выдал на

представлении классный саунд. Слово "звук" тут никак не ложится в строку, поскольку весь инструментальный ряд был синтезирован, а живой голос Ирины Мусазянь под воздействием мощных усилителей синтезированным казался. Что, впрочем, его обаянию не повредило — легкая сипотца, полетность и простота в исполнении остались на месте. К стати, это она, хормейстер и педагог-вокалист "Ленкома", ученица Гоар Гаспарян — главный генератор идей, подхваченной на последнем этапе армянской командой — хормейстерами, хореографом и пластическим группой во главе с режиссером Вага Шахвердяном. А своеобразие этого народа такое, что пощечу угадаешь в — во всяких программах и анкетах. По тому, как в стародавнюю католическую Европу, откуда родом все "Ave", вернутся прорны армянские ритмы. По тому, что явится тихая свиредовская "Юдоль святая" и радужная "Аве Мария" Азнавура — отражение сердечных привязанностей Армении. По такту, с каким будет использоваться религиозная символика, — это тоже армянское. Словом, вышли из Европы, пришли в мир, нарисованный с "другой" точкой зрения, хотя, может быть, и слишком плакатно. Но шулу — это не перек. А спектаклем мы, кажется, договорились "Ave Maria" не называть.